

УДК 329.3 (575.2)

**ДЕСТРУКТИВНЫЕ НЕТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕЧЕНИЯ КАК ФАКТОР
РАЗРУШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ НАРОДА КЫРГЫЗСТАНА
(НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИЙ ХРИСТИАНСКОГО ТОЛКА)**

Н.С. Таткало

Анализируется деструктивная деятельность нетрадиционных религиозных течений протестантского толка на территории Кыргызстана.

Ключевые слова: нетрадиционные религиозные течения (НРТ); культ; секта; протестанты; мусульмане; межконфессиональные столкновения; “Свидетели Иеговы”; “Церковь Иисуса Христа”.

**DESTRUCTIVE NEW RELIGIOUS MOVEMENTS AS A FACTOR
OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS EROSION IN KYRGYZSTAN
(ON THE EXAMPLE OF CHRISTIAN ORGANIZATIONS)**

N.S. Tatkalo

The article contains analysis of protestant new religious movements' destructive activity in Kyrgyzstan.

Keywords: new religious movements; cult; sect; Protestants; Muslims; interreligious clash; “Jehovah’s Witnesses”; “Church of Jesus Christ”.

Наличие огромного количества религиозных групп и организаций в Кыргызстане (по данным Государственной комиссии по делам религий при Правительстве КР – 2900¹) актуализирует вопрос их классификации, что, в свою очередь, обуславливает необходимость их категориального определения с целью выявления тех структур, члены которых демонстрируют антисоциальное поведение, угрожая национальной безопасности государства.

В настоящее время находящиеся в обращении понятия – “тогалитарные секты”, “деструктивные культы”, “нетрадиционные религиозные организации / движения / течения” – недостаточно разработаны, но широко используются в публицистических изданиях, что вносит еще больше элементов терминологической неточности.

В научной литературе дается следующее определение понятию “секта”: организация или группа

¹ По данным заведующего отделом правового обеспечения и кадровой службы Государственной комиссии по делам религий КР К.К. Маматалиева, озвученным на круглом столе “Правосубъектность религиозных общин или общин, придерживающихся определенных убеждений, в Кыргызской Республике: обсуждение вызовов и разработка рекомендаций”, 3 февраля 2016 г.

лиц, замкнувшихся на своих интересах (в том числе культовых), не совпадающих с интересами общества, безразличных или противоречащих им [1, с. 8–9]. Следует подчеркнуть альтернативность в данном определении относительно того, что секты могут быть как нейтральными, так и деструктивными.

Однако в ст. 3 Закона КР “О свободе вероисповедания и религиозных организаций в Кыргызской Республике” от 31 декабря 2008 г. понятие секты трактуется именно в негативном смысле, в качестве “религиозного течения (общины), отделившегося от какой-либо конфессии основного вероучения и не согласующегося с ним, проявляющего безразличие и противоречие интересам общества”.

В свою очередь дискурсионной неопределенностью характеризуется и понятие культа. В англоязычной литературе указывается на то, что оно не всегда имело негативную смысловую окраску и использовалось для определения отколовшейся от доминирующей религии группы. В частности, приводится пример католицизма, в рамках которого в средние века было разрешено поклонение определенному святому [2].

Однако в настоящее время интерпретация данного понятия в большинстве источников имеет

явно негативную коннотацию ввиду прецедентов массовых самоубийств в 1970–1980-е гг. в США и ряде стран Европы. На этом фоне ученые используют термин “культ” для характеристики групп, в которых практикуется манипуляции сознанием последователей. Например, профессор теологии Тихоокеанской теологической лютеранской семинарии в Беркли (США) Т. Петерс утверждает, что культ представляет собой антикультурную, лимитирующую свободу общественной жизни своих последователей организацию [2].

Следовательно, и культ и секта представляют собой организации, мировоззрение членов которых контрастирует с принятыми в обществе ценностями, религиозными традициями. Однако в академическом сообществе нет единого мнения в контексте оценки характера их влияния на национальное самосознание населения и безопасность государства. Кроме того, в условиях демократической политической системы, предполагающей наличие у граждан права на свободу вероисповедания, актуализируется вопрос ущемления прав верующих и оскорбления их чувств при отнесении той или иной организации, adeptами которой они являются, к категории деструктивных.

В этих условиях специалисты в области религиозоведения предлагают использовать ценностно-нейтральные термины – “новые религии”, “религии меньшинства”, “нетрадиционные / новые религиозные течения”, которые не обладают такими характеристиками, как авторитарное лидерство, аморальные действия, социальное насилие и др. При этом следует отметить, что ряд ученых, например Е. Баркер, не проводят различий между культурами и нетрадиционными / новыми религиозными течениями (“new religious movements”), используя второй термин для создания лояльного и благожелательного отношения в обществе и академической среде ко всем типам религиозных организаций, связывая их появление и функционирование с естественным развитием демократического общества, отличительной чертой которого является плюрализм во всех сферах общественной жизни [2].

Между тем, известный российский исследователь нетрадиционных религий и культов Е. Балагушкин исходит из того, что новые религиозные течения необходимо отличать от новых религий, которые вместе являются типами современных нетрадиционных религий. Согласно ученому, характерной чертой новых религиозных течений является пропаганда оппозиционных социально-религиозных утопий, которые разрабатываются на базе радикально измененных вероучений. В свою очередь новые религии принимают существующий общественно-политический строй ввиду того, что

в его рамках они получают возможность свободного существования [3]. Следовательно, фактически Балагушкин отождествляет новые религиозные течения с деструктивными религиозными объединениями, а термин “новые религии” предлагает использовать в качестве ценностно-нейтрального.

В свою очередь, кыргызстанские исследователи Н.М. Галкина, В.А. Школьный акцентируют внимание на том, что понятие нетрадиционных / новых религий является относительным и приобретает различное содержательное наполнение в отношении различных обществ, так как те религии, которые являются традиционными в одном обществе, выступают в статусе нетрадиционных в другом [4, с. 55].

Исходя из проанализированной литературы, в настоящей статье в качестве определения нетрадиционных религиозных течений (НРТ) будет принято следующее – это религиозные организации, которые необязательно являются деструктивными (тоталитарными), но которые предлагают специфическое, отличающееся от “проверенных временем” традиционных религий, исповедуемых большинством жителей, религиозное мировоззрение.

В свою очередь под деструктивной религиозной организацией (тоталитарная секта, деструктивный культ) как разновидностью НРТ будет пониматься авторитарная иерархическая организация религиозной ориентации, разрушительная по отношению к гармоничному духовному, психическому и физическому состоянию личности, а также к сложившимся социальным структурам, культуре и обществу в целом, практикующая скрытое психологическое насилие, выражающееся в целенаправленном установлении отдельным лицом или группой лиц в своих целях незаконного контроля над сознанием, поведением и жизнью других личностей без их добровольного и осознанного согласия для формирования и поддержания у них состояния неестественной и противозаконной зависимости и покорности доктрине и лидерам [1, с. 12].

В настоящее время в Кыргызстане деструктивными признаны “Церковь Сайентологии” и “Церковь Объединения”. Запрет на осуществление ими своей деятельности, согласно данным Государственной комиссии по делам религий КР, был обусловлен, прежде всего, практикой установления всестороннего контроля над поведением и сознанием adeptов с помощью психологического или нейролингвистического воздействия. Однако в Кыргызстане осуществляют свою деятельность и ряд других зарегистрированных организаций, которые также экспертами-религиоведами квалифицируются в качестве деструктивных культов. К ним следует отнести “Свидетелей Иеговы” и “Церковь

Иисуса Христа”. Рассмотрим их сущность более подробно.

“Свидетели Иеговы”. Приверженцам данного вероучения внушается идея о том, что скоро наступит конец света и тот, кто не состоит в рядах данной организации, будет “гореть в огне Армагеддона”. Между тем членство в организации предполагает отказ от своих прежних ценностей, традиций, обычаев, разрыв отношений с родственниками, не желающих вступать в ряды “Свидетелей Иеговы”, а также единообразие во всем – мышлении, поведении, одежде [5].

Для организации характерна практика изменения некоторых положений ее вероучения при смене руководства, что свидетельствует о ее авторитарной природе:

- в 1931–1952 гг. была запрещена вакцинация, рассматриваемая как прямое нарушение “вечного завета”;
- с 1943 г. было запрещено переливание крови, квалифицируемое в качестве самого страшного преступления против Бога.

При этом “Свидетели Иеговы” отрицают руководящую роль любого “земного” государства и призывают игнорировать его законы и нормы гражданского поведения: они отказываются служить в армии и государственных органах, отмечать государственные праздники и отдавать честь государственным символам, голосовать на выборах. В качестве подтверждения деструктивного характера деятельности организации можно рассмотреть большое количество возбуждаемых уголовных дел в отношении ее руководителей и активных адептов в странах СНГ [6].

“Церковь Иисуса Христа”. Церковь характеризуется строгой иерархией во главе со старшим пастором “апостольского помазания” Василием Кузиным. Его особая роль в данной организации проявляется в том, что ее последователей называют “кузинцами”, а саму организацию – “церковью Василия Кузина”. В. Кузин утверждает, что “способность организатора и возможность иметь свою паству” ему дал Бог после того, как он разочаровался в Русской православной церкви, где “не услышал голоса Божьего” и в последующем познакомился с примером положительной деятельности баптистских организаций [7, с. 3].

Суть организаторских способностей В. Кузина состоит в том, что он владеет приемами манипулирования сознанием: во время своих проповедей он вводит прихожан в состояние транса, посредством практик нейролингвистического программирования заставляет людей подчиняться своей воле. Результатом его деятельности зачастую выступают суицидальные наклонности адептов, вероучение

Кузина воспринимается ими в качестве единственно верного, что исключает возможность параллельного существования других религий [7, с. 3].

В результате деятельности таких деструктивных организаций у человека ухудшаются навыки коммуникабельности, он становится нетерпимым к представителям других религий, пренебрегая при этом даже родственными связями, считая себя избранным и, следовательно, обреченным на спасение. Происходит разрушение семьи как базового элемента передачи культурных традиций и ценностей народа. При этом вмешательство руководителей НРТ в личную жизнь адептов является очень тонким, в котором сложно обнаружить нарушения гражданских прав человека [8, с. 128]. Например, руководители “Церкви Иисуса Христа” утверждают, что обращение молодежи в протестантизм положительно отражается на ее духовном и экономическом развитии, приводя многочисленные примеры отказа людей от употребления наркотиков и алкоголя, выздоровления и улучшения своего социального статуса [9]. Вместе с тем не раскрываются последствия включения в эту религиозную организацию, которые представлены мощным психологическим давлением на неофита с целью изменения его ценностных ориентаций и формирования состояния зависимости от данной организации.

Другим негативным последствием деятельности НРТ выступает разрыв традиционной связи между этнической и конфессиональной принадлежностью их адептов. В частности, южнокорейские пасторы, проповедующие общехристианское учение и фундаментальные принципы протестантизма в полиэтничном обществе Кыргызстана, пытаются нивелировать самобытные особенности населяющих его народов путем вмешательства в их этнокультурную жизнь – запрещают следовать веками складывавшимся национальным традициям [10]. Результатом этого является рост напряженности в обществе и участвовавшие случаи межконфессиональных столкновений внутри одной этнической группы. Как правило, конфронтационные ситуации возникают по вопросам похоронно-поминальной обрядности. Согласно кыргызским обычаям, родственники умерших кыргызов-протестантов стремятся захоронить их на родовом кладбище, однако мусульманское духовенство и местные жители зачастую выступают против этого. В этом особо четко прослеживается укоренившаяся в общественном сознании корреляция между этнической принадлежностью и вероисповеданием – переход человека в другую религию означает и его отказ от своих этнических корней.

Между тем деятельность деструктивных организаций НРТ обозначила и проблему соблюдения и защиты права граждан на свободу вероисповеда-

ния. В частности, критические замечания звучат в отношении действий как кыргызов-мусульман, так и кыргызов-неофитов. Первые, убежденные в правоте и истинности своего вероучения, обвиняют вторых в расколе общества по религиозным мотивам. Последние, в свою очередь, винят мусульман в нарушении их гражданских прав, когда они подвергаются осуждению и исключаются из числа членов “ынтымака” [11].

Резюмируя, следует отметить парадоксальную ситуацию – рассмотренные незапрещенные в КР НРТ (“Свидетели Иеговы” и “Церковь Иисуса Христа”) напрямую не нарушают законодательство, однако их деятельность содержит в себе деструктивный потенциал. В силу этого представляется возможным квалифицировать их действия как “тихий экстремизм”, поскольку они не призывают к террористическим актам или к противостоянию с другими этническими группами, но через пропаганду исключительности своего вероисповедания способствуют общественной дезинтеграции и де социализации индивида.

Однако КР располагает возможностями изменить сложившуюся ситуацию. Исходя из вышеуказанных проблемных точек, целесообразным представляется реализация мер, прежде всего, профилактического характера:

- проведение семинаров, тренингов по духовной безопасности, нацеленных на информирование населения о возможных последствиях вовлечения в те или иные религиозные организации;
- распространение в СМИ, интернет-пространстве позитивного образа традиционных религий, популяризация семейных, патриотических, нравственных ценностей народа Кыргызстана;
- включение в учебную программу средних и высших учебных заведений дисциплин по направлению “Религиоведение”, а также осуществление жесткого мониторинга качества образования священнослужителей, которые являются основным рупором религиозных ценностей для большинства населения.

Представляется, что данные меры позволят согласовать демократическую риторику КР с требованием обеспечения национальной безопасности государства, не дистанцируясь от деятельности религиозных организаций, а создавая необходимые условия для реализации гражданами своего права на доступ к информации в вопросах вероисповедания.

Литература

1. Новые религиозные организации России деструктивного и оккультного характера: справочник / Миссионерский отдел Московского патриархата Русской православной церкви. Информационно-аналитический вестник. № 1. Белгород, 1997. 459 с.
2. Difference Between Religion and Cult // URL: <http://www.biographyonline.net/spiritual/articles/difference-religion-cult.html>
3. Балагушкин Е. Нетрадиционные религии в современной России / Е. Балагушкин. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Relig/Balag/index.php
4. Галкина Н.М. Нетрадиционные религии и возможные перспективы их развития в Кыргызской Республике: учебно-методическое пособие / Н.М. Галкина, В.А. Школьный. Бишкек, 2013. 401 с.
5. Орозбаева Г.К. Деструктивность вероучений нетрадиционных религиозных движений в Казахстане / Г.К. Орозбаева // Новые религиозные движения в Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Астана, 2010. URL: http://www.antiterrortoday.com/images/docs/abuov_a_p_smagulov_e_m_otv_redaktery_novye_religioznye_dvizh.pdf
6. Жолдасбекова А.Н. Протестантизм в современном Казахстане / А.Н. Жолдасбекова // Новые религиозные движения в Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Астана, 2010. URL: http://www.antiterrortoday.com/images/docs/abuov_a_p_smagulov_e_m_otv_redaktery_novye_religioznye_dvizh.pdf
7. Геллер И. Троянский конь веры / И. Геллер // Вечерний Бишкек. 2007. № 200.
8. Мамаюсунов О.Ш. Вопросы (проблемы) религии на переходном периоде: научный доклад председателя Государственной комиссии при Правительстве КР по делам религий / О.Ш. Мамаюсунов. Бишкек, 2003. 353 с.
9. Жумагулов С. Обострение религиозной ситуации в Кыргызстане / С. Жумагулов. URL: <https://zonakz.net/articles/285?action=author&id=642>
10. Ким Г.Н. Этничность, самосознание и религиозность корейцев Центральной Азии / Г.Н. Ким // Новые религиозные движения в Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Астана, 2010. URL: http://www.antiterrortoday.com/images/docs/abuov_a_p_smagulov_e_m_otv_redaktery_novye_religioznye_dvizh.pdf
11. Крылов А. Религиозная ситуация в Кыргызстане. Часть 2 / А. Крылов. URL: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?id=6799&s=24&ss=2>